

ПРИМОСТИВШИСЬ в кузове грузовика, вы мчитесь по Чуйскому тракту — узкой дорожке, выдолбленной в граните где-то на середине между землей и небом. Какая дикая, буйная, ослепительная красота кругом! Слева тесно прижались друг к другу гигантские скалы. Вот скала темно-коричневая, вот фиолетовая и вдруг — ликующе-голубая, словно это не камень, а кусочек весеннего неба. А справа — только прозрачный воздух. Кажется, что ты летишь прямо по этому напоенному солнцем воздуху. И только если перегнешься и заглянешь через борт, увидишь где-то далеко-далеко внизу пеннистую, стремительную Катунь.

Мчишься по Чуйскому тракту, глядишь во все глаза, ловишь ртом пригоршни пылящего горного ветра и словно грезишь наяву. Вудто попал ты в волшебную страну. Пришел сюда чародей, взмахнул своей палочкой, и все застыло, окаменело: дома, деревья, верблюды, люди. Видишь, замер гранитный богатырь, хмурит брови, грозно сверкают из солнца слюдяные глаза. Падает зима всклокоченная борода. Каждый волос — столетний кедр. А там, в вышине, словно серебряная прядь в могучей гриве богатыря, — полоска нарастающего снега.

Удивительных людей встре-

тишь на Чуйском тракте. Добрых и гостеприимных, простых и обидчивых алтайских охотников, что проводят долгие месяцы высоко в горах на тебеньках. Геологов, грубоватых заросших, жадно выпрашивающих городские новости. И, конечно же, шоферов. О, это особенные шоферы, мастера-виртуозы, которые несколько свысока смотрят на своих собратьев-равнинников. Ведь недаром же эти самые равнинники, если даже они водители первого класса, три месяца ездят по тракту стажерами, прежде чем им доверят баранку. Повороты здесь такие неожиданные и такие крутые, что если не знаешь их все наизусть, наверняка угодишь вместе с машиной в пропасть. Есть у этих шоферов свои неписанные традиции, свои любимые словечки и свои лихие песни. Одна из таких песен про того, кто «был там самый отчаянный шофер», про Кольку Снегирева, стала лейтмотивом нового спектакля Московского драматического театра «Человек из песни».

Автор пьесы — поэт Марк Со-

боль. Когда поэт приходит в драматургию, он обычно приносит с собой особую образность языка; в пьесах, написанных поэтами, много музыки, стихов, песен. Все это есть и в новой пьесе М. Соболя. Как выразился, обращаясь к зрителям, персонаж, именуемый «автором пьесы»: «И спешит сама поэзия на свидание с тобой».

Но у драматургии свои законы. Ей мало одной поэзии. Ей нужны яркие человеческие характеры, острые конфликты, нужно, чтобы на сцене люди не только декламировали стихи или произносили лирические монологи, но и действовали. И здесь приходится говорить об очевидных слабостях «Человека из песни»: о рыхлости композиции, о том, что одни персонажи кажутся асытыми не из жизни, а из каких-то других пьес или рассказов (например, Жора, таксист из Мелитополя, или журналистка Кретская), а другие очерчены слишком бегло, однолинейно (официантка Оля, Афоня).

Что же, выходит, Московский драматический театр сделал

ошибку, что принял к постановке произведение М. Соболя?

Нет. По нашему мнению, все слабости и изъяны пьесы покрываются одним ее неоспоримым достоинством — тем, что здесь живет, действует, отстаивает свои нравственные идеалы «человек из песни» — Николай Снегирев.

Но тут пора уже перейти от пьесы к спектаклю; в том, что мы увидели там же Снегирева, неизвестно, чья заслуга больше — драматурга или артиста С. Соколовского.

...Еще ничего не сказал, ничего не сделал, только вошел стремительно, огляделся, и зрители уже не отрывают от него глаз. Не успели разобраться в своих впечатлениях, не уяснили, в чем дело, но уже почувствовали: это выдающийся человек, это — главный в спектакле. А дальше, от сцены к сцене, разворачивается многогранный характер Николая Снегирева. Именно многогранный, чего так часто не хватает положительным героям в наших пьесах. Нет, это не тот парторганизатор, который на каждом шагу изрекает непрере-

каемые истины и в любом случае жизни мгновенно принимает верные решения. Снегирев в исполнении С. Соколовского — человек с богатым и сложным внутренним миром, человек упорной, ищущей мысли.

А ведь это очень нелегко — уметь мыслить на сцене, чтобы зритель становился как бы соучастником напряженных раздумий героя. С. Соколовский уверенно владеет этим искусством.

Особенно запоминается разговор Снегирева с директором совхоза Рубцовым, которого умно и достоверно играет артист И. Някомаров. Без риторичности, без громких фраз высказывает Снегирев — Соколовский свое жизненное «кредо». Перед нами человек большой души, щедрого сердца и высоких идеалов.

Снегирев в исполнении С. Соколовского — главная, но не единственная удача спектакля. Очень интересен А. Ширшов в роли «вольного мастера» Круглото, закоренелого охотника за длинным рублем, в котором под влиянием Снегирева просыпается нечто человеческое. Увлечен, но, темпераментно, искренне ис-

рает Веру-маленькую молодая актриса И. Промптова.

Но таких удач в спектакле не слишком много. И здесь виню не актеры и не постановщик В. Власов. Если перед тобой персонаж, похожий на подлинного героя алтайской долины не более, чем фотография, сделанная не очень умелым деревенским любителем, не так-то просто вздохнуть в этого персонажа жизни. Артисты И. Медведева (Кретская), В. Платов (Жора), А. Грачев (Афоня) нуждаются не столько в порицании, сколько в сочувствии...

Но в одной огорчительной неудаче повинен прежде всего исполнитель. Драматург вложил в уста персонажа, названного «автором пьесы», много хороших стихов, верных мыслей, добродушного юмора. Будь все это согрето обаянием актера, пропущено через его сердце, спектакль обогатился бы светлой романтической струей. Увы, об артисте Г. Лямпе в роли «автора» можно сказать лишь, что он недурно напевает и играет на гитаре.

...Замечательные люди живут и трудятся на Алтае. Жадные до работы, верные в дружбе, горько любящие свою прекрасную землю. Хорошо, что, по крайней мере один из них шагнул из песни и из жизни на сцену.

Б. ЕВСЕЕВ.

«Московский комсомолец», 1964, 13 дек.